

ОТНОШЕНИЕ К КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДУХОВЕНСТВА И ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

Аннотация: В статье рассматривается отношение духовенства и православных верующих Оренбургской епархии к кампании по изъятию церковных ценностей 1922 года. В качестве основных источников были привлечены Рапорт начальника Оренбургского губернского отдела ГПУ и Постановление собрания представителей всех православных храмов города Оренбурга. По мнению авторов, проявленная православными верующими готовность к сотрудничеству с властями сочеталась с решимостью отстаивать право храмов на сохранение и использование необходимого для богослужения имущества.

Ключевые слова: голод, декрет, духовенство, изъятие, комиссия, православные верующие, церковные ценности.

Цитирование: Джунджузов С.В., Полшкова Л.Б. Отношение к кампании по изъятию церковных ценностей духовенства и православных верующих Оренбургской епархии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. № 4 (25). С. 84–97.

Сведения об авторах: Джунджузов Степан Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (Россия, Оренбург). E-mail: Djund@yandex.ru

Полшкова Лариса Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-гуманитарных дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: metodist-orends@mail.ru

Поступила в редакцию 26.10.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» – черная дата в истории Русской Православной Церкви. В общественном сознании православных верующих и сочувствовавших им граждан оно воспринималось как узаконенное советской властью ограбление храмов и монастырей. Изъятие производилось под благовидным предлогом помощи голодающим жителям Поволжья. Конфискации подлежали все предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Проведение кампании по изъятию церковных имуществ на местах возлагалось на губернские советы. Они обязались образовать специальные комиссии в составе ответственных представителей губисполкома, губкомпомотдела и губфинотдела, под председательством одного из членов ВЦИК. Участие верующих в работе комиссии не предусматривалось. Их присутствие допускалось лишь в качестве свидетелей, удостоверяющих описи изъятых имуществ [16, с. 381–382].

Антицерковная политика большевистской партии строилась на проповеди атеизма и причислении духовенства к злым врагам советской власти. Эти постулаты пронизывали советскую историографию вплоть до середины 1980-х годов. Советских граждан убеждали, что голод и разруха были выгодны духовенству, так как они способствовали разрушению Советской страны. В адрес Патриарха Тихона персонально и служителей культа в целом огульно сыпались обвинения в подстрекательстве верующих к контрреволюционным выступлениям [4, 6, 15].

Резкий разворот в государственно-церковных отношениях от давления к сотрудничеству произошел на рубеже 80-х – 90-х годов XX в. С того времени Православная Церковь вновь стала восприниматься как фундамент народного единства и исторически сложившийся оплот российской государственности. Антицерковная политика большевистского правительства под-

верглась критике и осуждению. В исследованиях ведущих российских историков В.А. Алексеева, Н.А. Кривовой, С.Г. Петрова, Н.Н. Покровского отмечалось стремление духовенства участвовать в оказании помощи голодающим, но Постановление «Об изъятии церковных ценностей» лишило церковь материальных ресурсов. Инициаторами разорения храмов, по мнению историков, выступали В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Изъятые ценности подлежали продаже за границей как национализированные богатства. Помощь голодающим была лишь «прикрытием реальных целей, преследуемых партийным руководством при изъятии ценностей Русской церкви» [1].

События, связанные с изъятием церковных ценностей в 1922 г., находят отражение в многочисленных региональных исследованиях [3, 5, 8, 9]. Изъятие церковного имущества в Оренбургской епархии в 2010-х годах рассматривалось в работах И.В. Никитина [10, 11]. Автор собрал значительный массив документов из фондов Российского государственного военного архива и оренбургских областных архивов. Не менее весомым источником информации послужили материалы периодической печати – издававшихся в Оренбурге газет «Завод и пашня» и «Степная правда». И.В. Никитин не обнаружил фактов сколь-нибудь открыто выраженного недовольства, а тем более сопротивления, со стороны мирян или духовенства изъятию церковного имущества. «Покладистость» православных верующих в Оренбургской епархии он объясняет несколькими факторами. Во-первых, местные власти опирались на опыт столичных городов, Москвы и Петрограда, где изъятие из монастырей и храмов предметов культа из благородных металлов уже завершилось. Духовенство на местах было запугано известиями о репрессиях. Во-вторых, отмечается публично проявленная заинтересованность ответственных оренбургских органов власти и епископа Аристарха (Николаевского) в безболезненном изъятии ценностей. В-третьих, лояльность архиерея и епархиального духовенства по-

зволила провести кампанию по изъятию относительно спокойно [10, с. 39].

В целом соглашаясь с выводами Г.В. Никитина, мы бы хотели более подробно остановиться на приведенных им фактах, не отразившихся должным образом в заключении. Имеется в виду проявленная духовенством готовность к сотрудничеству с властями в деле выполнения декрета об изъятии церковных ценностей.

Главной причиной уступчивости священнослужителей стал страшный голод, унесший жизни миллионов людей. Оренбургская губерния оказалась в эпицентре этого масштабного социального бедствия. В монографии В.А. Лабuzова и Д.А. Сафонова «Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920–1922 гг.)» приводятся данные о 92,8 % голодающих жителей Оренбуржья в марте 1922 г. В июне этот показатель снизился до 85,3 %. Однако, как подчеркивают авторы, сокращение числа голодающих с марта по июнь 1922 г. было вызвано не улучшением снабжения продовольствием, а большой смертностью населения. За указанный период оно сократилось с 526401 до 483777 человек [7, с. 92].

Безусловно, православные священнослужители не могли не откликнуться к исходившему от государства призыву о помощи, ведь они изо дня в день встречались с голодавшими и умиравшими от истощения прихожанами. К тому же приходилось учитывать враждебное отношение к церкви немалого количества людей, зараженных атеистической пропагандой.

Накануне кампании по изъятию церковных ценностей в храмах города Оренбурга партийными и советскими уполномоченными органами была проведена разъяснительная работа с населением и собраны сведения об отношении к ней духовенства и православных верующих. В марте жители города созывались на беспартийные рабочие конференции. Принятые ими резолюции выражали единодушную поддержку правительственному декрету [17].

Предварительным сбором и анализом информации об отношении верующих к предстоящей экспроприации церковного имущества занимался Оренбургский губернский отдел Главного политического управления. 14 апреля 1922 г. в Губернский комитет ВКП(б) был представлен рапорт за подписью НАЧСО (начальника секретного отдела? – С.Д., Л.П.) Старикова. Его чтение целесообразно начинать с предпоследней строки, содержащей главный вывод аналитика: «Вообще необходимо оказать соответствующее давление только на епископа, и только тогда изъятие пройдет безболезненно» [12, л. 45]. Судя по заявлениям и комментариям, публиковавшимся в газетах того времени, с оренбургским архиереем была проведена необходимая разъяснительная работа. Основываясь на газетных публикациях, И.В. Никитин установил, что президиум Губисполкома дважды вызывал епархиального архиерея для выяснения мнения духовенства на предмет изъятия духовных ценностей. На первом совещании, состоявшемся в начале апреля, епископ Аристарх заявил, что считает «мероприятия власти своевременными и целесообразными» и предположил, что духовенство и верующие «безболезненно изъятию будут содействовать» [11, с. 195]. На втором совещании, созванном после Пасхи, праздновавшейся 16 апреля, владыка Аристарх высказывал опасения о возможных провокациях со стороны «фанатических», «темных» групп граждан, которые могут постараться использовать изъятие ценностей в корыстных целях. Со своей стороны он обещал принять «меры к устранению данных возможностей». 5 мая «Степная правда» опубликовала воззвание епископа Оренбургского и Тургайского Аристарха с призывом «добровольно отдавать из церквей все, что возможно» [11, с. 195].

О настроении духовенства в рапорте чекиста Старикова высказывалось противоречивое мнение. В начале документа, ссылаясь на агентурные сведения, он утверждает, что местные священнослужители, за исключением отдельных лиц, выра-

жают принципиальное согласие на изъятие ценностей. Однако в следующих строках он пишет о сложившемся у того же духовенства мнении, что полученные государством ценности не будут использованы для борьбы с голодом, а уйдут на другие цели, например, на войну или «расплывутся по рукам». Следуя букве декрета, оренбургские функционеры стремились провести изъятие ценностей без политических эксцессов и социальных потрясений, как говорилось в рапорте: «дипломатично». Предлагалось оказать влияние на духовенство и заставить его «сделать соответствующее разъяснение среди молящихся масс». Губернский отдел ГПУ настаивал на проведении предварительного совещания при Губисполкоме с представителями духовенства и православных приходов. Делегированных на совещание лиц предполагалось ознакомить с порядком изъятия ценностей, формированием и составом уполномоченных членов комиссии, ответственных за эту работу [12, л. 45].

Следуя полученным указаниям, епископ Аристарх в 5 часов вечера 5 апреля созвал экстренное собрание из представителей всех храмов города Оренбурга. От каждого союза православного прихода делегировалось по три представителя. Всего в работе собрания приняли участие 60 представителей православных приходов. Собравшимися обсуждался единственный вопрос: «Приведение в исполнение Декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим». Рукописный текст постановления был передан в Оренбургский губернский исполнительный комитет советов рабочих и крестьянских депутатов.

Постановление собрания представителей храмов состояло из семи пунктов и по содержанию существенно отличалось от Декрета ВЦИК. В первом пункте православные верующие выражали согласие добровольно, охотно отдать все золото, серебро, драгоценные камни и другие ценные вещи из всех храмов епархии. Однако сразу же была сделана оговорка: «изъятие коих не

может существенно затронуть интересы православной церкви, а также оскорбить религиозных чувств верующих или нарушить отправления богослужений» [13, л. 37]. В третьем пункте постановления оговаривались основания, не допускавшие изъятия для продажи определенных предметов. К их числу относились церковные предметы, из какого бы металла ни были, освященные и бывшие в употреблении при совершении Св. Евхаристии: чаша, дароносица, дарохранильница, дискос и звезда. Собрание настаивало на том, чтобы Губисполком дал предписание комиссии «не настаивать на изъятии из церквей вышеперечисленных «святынь» [13, л. 37]. В пятом пункте постановления содержался совет: «во избежание смут и волнений» не снимать риз с икон местночтимых святых. Подобные действия верующие могли «ложно почесть за оскорбление и поругание особо чтимой иконы» [13, л. 38].

Постановление собрания, не заявляя об этом открыто, ориентировалось на Воззвание Патриарха Тихона к духовенству и верующим Русской Православной Церкви по поводу изъятия церковных ценностей от 28 февраля 1922 г. Изъятие священных сосудов и прочих богослужебных предметов Патриарх назвал актом святотатства [2, с. 114].

В четвертом пункте постановления предлагалось компромиссное решение на тот случай, если комиссия «найдет возможным» изъятие освященных сосудов. Собрание просило Губисполком предоставить право их выкупа представителям церковного прихода. Согласно оценке комиссии, плата могла вноситься деньгами или натурой – вещами равноценной стоимости. Желание сохранить для дальнейшего использования в храмах освященные предметы объяснялось недопущением святотатства и оскорбления чувств верующих, когда после изъятия их коснутся руки мирян. Среди последних могут оказаться противники Веры, «которые не сочтут за незаконным поглумиться над святой вещью, считая ее простым куском металла» [13, л. 37 об.–38].

Желание выкупить церковные святыни или возместить их стоимость хлебом для голодающих православные верующие выражали едва ли не повсеместно. Их ходатайства замедляли, а где-то и останавливали работу комиссий по изъятию ценностей. Для исправления ситуации Президиум ВЦИК и ЦК РКП(б) 30 марта направили губисполкомам и губкомам РКП(б) шифротелеграмму со строгим предписанием о полном изъятии церковных ценностей. От местных властей она требовала не приостанавливать изъятия. Ходатайства об оставлении части ценностей направлять с заключением комиссии в ЦК Помгол ВЦИК. Для острастки местных органов власти в телеграмме содержалось предупреждение о том, что неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение [2, с. 166].

Вопреки мнению центральных властей, собрание представителей церковных приходов Оренбурга обратилось к членам Губисполкома с просьбой о включении в состав комиссии по изъятию церковных ценностей, с правом решающего голоса, представителей православных приходов – одного от духовенства, двух от мирян. Здесь же, на собрании определились с представителями: от духовенства – протоиерей Троицкой церкви Дмитрий Коннов, от мирян – председатель Совета братства Казанского кафедрального собора Евгений Николаевич Климентьев и председатель Совета союза православных приходов Оренбургской епархии Павел Порфирьевич Гордеев. В их задачи входила разъяснительная работа среди верующих, а также «по совести и беспристрастно указывать, какие именно ценности вполне могут быть и должны быть изъяты из той или иной церкви», и те предметы, которые в силу церковных канонов или признания «святынями» не должны покидать церковных стен [13, л. 37–37 об.].

В постановлении подтвердились полученные ранее Отделом ГПУ агентурные сведения о беспокойстве верующих о возможном нецелевом использовании денежных средств,

полученных в результате реализации конфискованных церковных ценностей. В этой связи в шестом пункте постановления участники собрания высказали пожелание, чтобы помощь голодающим оказывалась немедленно и без всяких оговорок. Изъятые ценности без проволочек обращены в пшеницу и муку. От Губисполкома требовалась, опять же, немедленная организация комиссии с участием представителя от православных приходов для поездки за продуктами в Туркестанский край. Сами же ценности, изъятые в церквях Оренбургской епархии, должны были быть реализованы на месте. Их отправка в Москву вызовет затяжку времени и для массы голодных людей будет равносильна смертному приговору [13, л. 37–37 об.].

Кампания по изъятию церковных ценностей в Оренбурге завершилась к середине мая, затем она перекинулась на уезды Оренбургской губернии [10, с. 33]. Решения собрания представителей церквей города Оренбурга, касавшиеся оставления в церквях необходимых для богослужения и почитаемых «святыми» предметов культа, как и о праве верующих на контроль за использованием по назначению изъятых церковных имуществ, соблюдены не были. В материалах комиссии Губернского исполнительного комитета по изъятию церковных ценностей в перечне конфискованных предметов в Оренбургском кафедральном соборе числятся звезды и диски, а из Троицкой церкви города Оренбурга была изъята дарохранительница [14, л. 1–4]. После изъятия ценностей в храмах Оренбургской епархии оставались какие-то предметы из благородных металлов, необходимые для богослужения. Однако, как подчеркивалось в письме председателя Шарлыкской комиссии по изъятию церковных ценностей, предметы самые малые и самые легковесные. «Граждане выражают желание заменить ценные предметы менее ценными, но взять таковых негде» [10, с. 38].

Таким образом, солидаризируясь с мнением о бесконфликтном, за некоторым исключением, изъятии церковных

ценностей в охваченных голодом губерниях, следует помнить, что и там православные верующие не боялись бросать вызов властям и отстаивали право церквей на сохранение и использование необходимого для богослужения имущества.

Литература

1. Амплеев, Р. А. Изъятие церковных ценностей на Юге России в 1922 году в отечественной историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 45–51.

2. Архивы Кремля. В 2 кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – М. – Новосибирск : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) ; «Сибирский хронограф», 1997. – 594 с.

3. Базылев, В. Кампания по изъятию церковных ценностей в Рязанской епархии как элемент общей политики большевиков // Рязанский богословский вестник. – 2022. – № 1 (25). – С. 27–55.

4. Зорин, Д. Князь церкви и голод : Революция и церковь. – Ростов н/Д. : Изд-во «Донполитпросвет», 1922. – 68 с.

5. Иванова, М. А. Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2006. – № 24. – С. 153–161.

6. Кандидов, Б. Голод 1921 г. и церковь. – М. : Московский рабочий, 1932. – 96 с.

7. Лабузов, В. А. Оренбургская деревня на завершающем этапе гражданской войны (1920–1922 гг.) / В. А. Лабузов, Д. А. Сафонов. – Оренбург : ОГПУ, 2002. – 136 с.

8. Мавлютова, З. Ш. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии в 1922 году // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 172–176.

9. Малахова, А. С. Кампания по изъятию церковных ценностей на Кубани в 1922 году: общественные настроения в восточных районах / А. С. Малахова, С. Н. Малахов // Вестник

Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 109–122.

10. Никитин, И. В. Изъятие церковных ценностей в Оренбургской губернии в 1922 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2010. – №1 (34). – С. 26–40.

11. Никитин, И. В. Оренбургская епархия в 1922–1938 годах // Страницы истории Оренбургской епархии. – Саракташ, 2014. – С. 186–234.

12. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 1. (фонд Оренбургского Губкома РКП(б)). Д. 232.

13. ОГАОО. Ф. Р-1. (фонд Оренбургского губисполкома). Д. 400.

14. ОГАОО. Ф. Р-1. Д. 403.

15. Плаксин, Р. Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. – Л. : Лениздат, 1987. – 206 с.

16. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства 1922 г. – М. : Издание Управления делами Совнаркома СССР, 1950. – 1934 с.

17. Степная правда. – 1922. – 25 марта.

ATTITUDE TO THE CAMPAIGN FOR THE SEIZURE OF CHURCH VALUES OF THE CLERGY AND ORTHODOX BELIEVERS OF THE ORENBURG DIOCESE

Abstract: The article examines the attitude of the clergy and Orthodox believers of the Orenburg diocese to the campaign for the seizure of church valuables in 1922. The report of the head of the Orenburg provincial department of the State Political Administration and the Resolution of the assembly of representatives of all churches of the city of Orenburg were used as the main sources. According to the authors, the willingness shown by Orthodox believers to cooperate with the authorities was combined with the determination to defend the right of churches to preserve and use the property necessary for worship.

Key words: famine, decree, clergy, seizure, commission, Orthodox believers, church values.

References

1. Ampleev R. A. Iz"yatie cerkovnyh cennostej na YUge Rossii v 1922 godu v otechestvennoj istoriografii [The seizure of church values in the South of Russia in 1922 in Russian historiography]. In *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [Izvestia of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences]. 2017. No. 3, pp. 45–51.
2. Arhivy Kremlya. V 2-h kn. / Kn. 1. Politbyuro i cerkov'. 1922–1925 gg. [Archives of the Kremlin. In 2 books. Book 1. The Politburo and the church. 1922-1925]. Moscow, Novosibirsk, 1997, 594 p.
3. Bazylev V. Kampaniya po iz"yatiyu cerkovnyh cennostej v Ryazanskoj eparhii kak element obshchej politiki bol'shevikov [The campaign for the seizure of church values in the Ryazan diocese as an

element of the general policy of the Bolsheviks]. In *Ryazanskij bogoslovskij vestnik* [Ryazan Theological Bulletin]. 2022. No. 1 (25), pp. 27–55.

4. Zorin D. Knyaz'ya cerkvi i golod: Revolyuciya i cerkov' [The Princes of the Church and the famine: the Revolution and the Church]. Rostov-on-Don, 1922, 68 p.

5. Ivanova M. A. Kampaniya po iz'yatiyu cerkovnyh cennostej v Pskovskoj gubernii v 1922 gg. [Campaign for the seizure of church values in Pskov province in 1922]. In *Pskov. Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal* [Pskov. Scientific-practical, historical and local history journal]. 2006, No. 24, pp. 153–161.

6. Kandidov B. Golod 1921 g. i cerkov' [The Famine of 1921 and the Church]. Moscow, Leningrad, 1932, 96 p.

7. Labuzov V. A., Safonov D. A. Orenburgskaya derevnya na zavershayushchem etape grazhdanskoj vojny (1920–1922 gg.) [Orenburg village at the final stage of the Civil War (1920–1922)]. Orenburg, 2002, 136 p.

8. Mavlyutova Z. SH. K voprosu ob iz'yatii cerkovnyh cennostej v Tyumenskoj gubernii v 1922 godu [On the issue of the seizure of church valuables in the Tyumen province in 1922]. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2007, No. 7, pp. 172–176.

9. Malahova A. S., Malahov S. N. Kampaniya po iz'yatiyu cerkovnyh cennostej na Kubani v 1922 godu: obshchestvennye nastroyeniya v vostochnyh rajonah [The campaign for the seizure of church values in the Kuban in 1922: public sentiment in the eastern regions]. In *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Armavir State Pedagogical University]. 2022. No. 2, pp. 109–122.

10. Nikitin I. V. Iz'yatie cerkovnyh cennostej v Orenburgskoj gubernii v 1922 g. [Seizure of church valuables in the Orenburg province in 1922]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya*

Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2010. No. 1 (34), pp. 26–40.

11. Nikitin I. V. Orenburgskaya eparhiya v 1922–1938 godah [The Orenburg Diocese in 1922–1938]. In *Stranicy istorii Orenburgskoj eparhii* [Pages of the history of the Orenburg Diocese]. Saraktash, 2014, pp. 186–234.

12. Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (OGA OO). F. 1. (fond Orenburgskogo Gubkoma RKP(b) D. 232 [United State Archive of the Orenburg region. Foundation 1. (Fund of the Orenburg Provincial Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks). Document 232].

13. OGA OO. F. R-1. (fond Orenburgskogo gubispolkoma). D. 400 [United State Archive of the Orenburg region. Foundation R-1. (Fund of the Orenburg Gubernatorial Executive Committee. Document 400].

14. OGA OO. F. R-1. D. 403 [United State Archive of the Orenburg region. Foundation R-1. Document 403].

15. Plaksin R. Yu. Tihonovshchina i ee krah: Poziciya pravoslavnoj cerkvi v period Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii i grazhdanskoj vojny [Reactionary policy of Patriarch Tikhon (Belavin) and his supporters and its collapse: The position of the Orthodox Church during the Great October Socialist Revolution and Civil War]. Leningrad, 1987, 206 p.

16. Sobranie uzakonenij i postanovlenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva 1922 g. [Collection of legalizations and resolutions of the Workers' and Peasants' government of 1922]. Moscow, 1950, 1934 p.

17. Stepnaya pravda [Steppe truth]. 1922. March 25.